

Ерофеева Ирина Викторовна

Доктор филологических наук, профессор

Кафедра журналистики и связей с общественностью,
Забайкальский государственный университет, 672039,
Российская Федерация, г. Чита, ул. Александрo-Заводская,
30, e-mail: irina-jour@yandex.ru

Irina V. Erofeeva

DSc. in Philology, Professor

Department of Journalism and PR, Transbaikal State University,
30 Aleksandro-Zavodskaya Str., Chita, 672039, Russian
Federation, e-mail: irina-jour@yandex.ru

НАРРАТИВ «ВОСТОК-ЗАПАД» КАК СПОСОБ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РОССИЙСКИХ СМИ

Аннотация. Лингвокультурологический анализ медиатекста позволил выявить сценарный маркер русской культуры «Восток-Запад», представленный в многочисленных сюжетах СМИ. Данный нарратив раскрывает специфику типических коллективных переживаний, в рамках которых своеобразие жизни осознается через антитезу Западу и Востоку.

Сценарный маркер – своеобразный носитель национальной памяти народа. Определённое нарративное повествование воспроизводит духовный опыт представителя конкретного социума, концентрирует его культурные коды. Областью локализации нарратива выступает национальная модель мира языковой личности автора медиатекста. Сценарный маркер формально изменчив, но одновременно он глубинно чрезвычайно устойчив.

Нарратив «Восток-Запад» поддерживается фоновыми знаниями адресанта и адресата, и, несмотря на элитарность интерпретации, действует смыслы прототекста, априори актуального и востребованного массовым потребителем. Сфера маркирования отчётливо проявляет себя в смысловом медиатексте, имеющем либо проблемно-тематическую композицию, либо идейно-концептуальную. Сценарный маркер разворачивает в определённом композиционном режиме ядерные семы культуры.

Нарратив «Восток-Запад» соткан из ряда сюжетов и контрсюжетов, которые усиливают или ослабляют ключевую идею. В информационном пространстве нарратив структурируется с помощью центральных и сопутствующих фреймов: «слабый Запад», «холодная война», «экономическое чудо Китая», «японская любовь к новейшим технологиям» и др.

Фреймы обусловлены социальным миром и являются инструментом конструирования различных проблем. Нарратив и поддерживающие его фреймы не провоцируют прямые действия человека, но они способны их аргументировать, разрешать и усиливать конкретные практики.

Ключевые слова. Нарратив «Восток-Запад», медиатекст, языковая личность, репрезентация, национальная идентификация, блуждающая сюжетика СМИ.

Информация о статье. Дата поступления 21 февраля 2017 г.; дата принятия к печати 22 января 2018 г.; дата онлайн-размещения 05 февраля 2018 г.

THE «EAST-WEST» NARRATIVE AS A WAY OF NATIONAL IDENTIFICATION IN THE RUSSIAN MASS MEDIA

Abstract. The linguo-cultural analysis of a media text has allowed the author to reveal the scenario markers of the Russian «East-West» culture represented in numerous new stories. This narrative discloses specific features of typical collective experiences, in terms of which peculiarity of our life is realized through the West and East antithesis.

A scenario marker is a peculiar bearer of people's national memory. A definite narrative reproduces moral (spiritual) experience of a particular society representative, concentrates its cultural codes. A national model of the world of the media text author's linguistic identity is the sphere of its localization. The scenario marker is formally variable, but at the same time, it is mostly very stable.

The «East-West» narrative is supported by addresser' and addressee' background knowledge and, in spite of interpretation elitism, involves proto-text meanings a priori topical and requested by a mass consumer. The marking sphere distinctly shows itself in a meaningful media text, which has either a problem-thematic composition or idea-conceptual one. The scenario marker displays nuclear culture semes in a certain composition regime.

The «East-West» narrative consists of a number of events and counter-events, which strengthen or weaken its key idea. In information space, the narrative is structured by means of central and supporting frames: «the weak West», «the Cold War», «China's economic miracle», «the Japanese love of up-to-date technologies», etc.

The frames are determined by social peace and are an instrument of different problems construction. The narrative and the supporting frames do not provoke direct man's activities but they are able to give arguments, solve and strengthen a particular practice.

Keywords. The «East-West» narrative, media text, linguistic identity, representation, national identity, roaming plot structure of the mass media.

Article info. Received February 21, 2017; accepted January 22, 2018; available online February 05, 2018.

Введение. Преобладающие смыслы медиадискурса обусловлены не только установившейся информационной повесткой дня, диктующей господствующие темы СМИ, но и общим символическим контек-

стом, который используется авторами медиатекста для освещения той или иной ситуации.

Медиатекст, в силу своих неотъемлемых характеристик, есть способ хранения национальных ценностей,

он транслирует идеалы и культурное наследие поколений, тиражирует ценности конкретного социума ресурсами креативного потенциала автора, текстового формата и технологического инструментария. В разные периоды истории аксиологическая социорегуляция осуществляется в рамках определённой медиатопики. Современная политико-экономическая ситуация провоцирует выход на первый план информационного повествования традиционного для России сюжета «Восток-Запад». В эпоху геополитической информационно-психологической войны подобная тематика становится удобным инструментом манипулирования общественным мнением. Чрезвычайность и острота происходящих событий в мире (войны, террористические акты) порождает яркий экспрессивно-оценочный дискурс: *«Цивилизация России: Юго-Восток или смерть. Серьезнейший, чисто экзистенциальный вопрос. Вопрос, достойный только великой цивилизации»*¹. Эмотивное преобладание восточно-западной тематики в СМИ спровоцировало наш интерес к поиску причин и средств репрезентации данного вопроса в медиатексте.

Методология. В течение ряда лет мы проводим лингвокультурологический анализ различных типов медиатекста, под которым подразумеваем когнитивное пространство репрезентации национальной модели мира языковой личности автора. В рамках когнитивной лингвистики языковая личность представляет собой базовый культурный прототип носителя языка, обладающий

определённой системой духовных ценностей, зафиксированных в языке и обусловленных ментальными представлениями конкретной национальной общности [1; 2]. Обобщая итоги многолетней работы, удалось выявить ключевые маркёры русской культуры, закреплённые в концептуальном дискурсе СМИ, которые указывают (маркируют) на отличительные признаки, установки и семы отечественной культуры.

Среди выявленных маркёров стержневыми и наиболее знаковыми являются сценарные маркёры или нарративы. Сценарные маркёры разворачивают в определённом композиционном режиме ядерные семы культуры. Нарратив (*англ., фр. narrare — языковой акт, т. е. вербальное изложение*) излагает взаимосвязанные события в виде последовательности слов или образов. Достаточно популярна в современной науке точка зрения, что человечество воспринимает мир через истории [3; 4; 5; 6; 7]. По утверждению И. Брокмейер и Р. Харре, «повествовательная форма — и устная, и письменная — составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования» [8]. С помощью нарратива мы концептуализируем нашу память, осознаём наш многогранный жизненный опыт, понимаем и создаём смыслы бытия.

Нарратив основывается на когнитивных моделях (концепты и архетипы) и задействует конструкты национальной модели мира рассказчика. Сюжетика подобных медиатекстов включает нарратологическую

¹ Аргументы недели. 2014. 16 апр.

цепочку: автор — контекст — традиция — произведение.

Нарратив предполагает повествование либо от третьего лица, либо от первого. Современные рыночные СМИ (журналистика, реклама, PR) в силу своей специфики настроены на нарратив, они ориентированы на эффективный диалог с аудиторией, интенсивно используют сенсорную тактику коммуникации, предполагающую активное восприятие аудитории [9; 10; 11]. В результате «эффект присутствия» сублимирует в универсальный закон медиаповествования. Канву доминирующего современного медиатекста образуют элементы драматизма и некий «поток сознания» — личные, непосредственные переживания, вербализированные от первого лица, в настоящем времени, с использованием прямой речи героев, монолога самого автора текста.

Нарративы как сценарные маркёры фиксирует процессуальность самоосуществления, это способ бытия повествовательного текста, который реконструирует и воспроизводит прошлый опыт. Нарратив сообщает, если использовать терминологию Г. Г. Шпета, «типические коллективные переживания» [12], а если апеллировать к работам К. Г. Юнга, нарратив отражает «типичные ситуации» [13], которые повторяются на протяжении долгого времени существования нации. Иерархически организованные сценарные модели являются своеобразными носителями национальной памяти народа — культуремами, фиксирующими некий набор знаний и верований, передающихся от поколения к поколению.

В научном дискурсе развитие культуры рассматривается как процесс функционирования её элементарных частиц [14, с. 320; 15; 16; 17; 18]. Определённые знаки принадлежности к той или иной культуре — культуремы — имеют своё языковое значение и выражение как в вербальной, так и невербальной субстанциях: речевой дискурс, предметы искусства и быта, поведенческие формы речевой коммуникации, оформленные, в том числе, как нарративы.

Следы сценарного маркирования, как правило, отчётливо проявляют себя в смысловом медиатексте, имеющем либо проблемно-тематическую композицию, либо идейно-концептуальную. Текст должен отражать «сюжет мысли» автора и глубинные связи смыслового пространства, необходима интерпретация фактуры, поток сознания автора, поэтому средствами репрезентации маркёров выступают факт-протофакт, факт-перспектива, факт-инобытие (смыслы и идеи текста).

«Восток-Запад» — сквозная тема для философии России

Нарративная традиция обусловлена иерархией базовых культурных моделей и является одним из важнейших видов коммуникативного поведения. В эпоху геополитической информационно-психологической войны в современном информационном пространстве актуальным и востребованным стал нарратив «Восток-Запад».

Тема «Восток-Запад» — отнюдь не географическая, она сквозная (лейтмотивная) для философии России, в рамках которой постулируется кризис рациональной за-

падной цивилизации и душевность чувственного и интуитивного Востока: П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков, Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, К. Н. Леонтьев, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Л. П. Карсавин, М. К. Мамардашвили, М. М. Решетников и др.

Когнитивная схема «Восток-Запад» традиционно выступает ментальным средством национальной идентификации. Данная парадигма является основополагающей для осознания российской идентичности, она помогает очертить специфический облик дихотомической русской культуры, которую склоняет то в одну, то в другую сторону, и которая обладает душой Востока и телом Запада [19]. Тем самым Россия уравнивает два мира, представляя собой особую цивилизационную общность. Мы — не Восток и не Запад, мы — Евразия, самобытная цивилизация и одновременно некая срединная сущность, в которой сливается европейская жажда счастья и восточное стремление к покою. С. А. Глузман пишет о России как о «Востоке на Западе» [20, с. 238]. Обладая открытой, бинарной душой, мы легко принимаем приемлемые черты чужого мира и генетически готовы к диалогу с Другими. Дихотомичность российского миропредставления отразилась в не теряющем актуальность споре славянофилов и западников об историческом пути России.

Создатель словаря русской культуры Ю. С. Степанов замечает: «Мы часто не отдаём себе отчёта в том, до какой степени это противопоставление, «славянофилы и западники», не в прямой, так в ослабленной или

«превращённой» форме пронизывает всю нашу жизнь» [21, с. 672]. Вечно актуальные размышления о восточно-западном притяжении России распространены и в отечественных СМИ. Вопрос «к чему мы ближе?» разрешается горячо, по-разному, но безуспешно. Газета «АиФ» в материале «Почему Россию игнорируют?» предлагает нам посмотреть на Восток: «С экономической точки зрения нам это интересно. Но надо понимать, что литература, музыка, язык, отношение к жизни у наших стран разные. Они даже едят палочками, а мы — ложками! Духовно Россия ближе к Западу»².

В массмедиа артикулируется фиксированный в национальной модели мира метафорический образ России как моста между разными цивилизациями. Появляются лонгриды, личностные интервью и очерки, рассказывающие о русских людях, связывающих культурные пространства: путешественник Фёдор Конюхов, дирижёр Валерий Гергиев, оперная певица Анна Нетребко и др. За рубежом велико влияние композитора Софии Губайдуллиной: «*Может быть, это её миссия — принести русскую духовность на Запад? Ей особенно хорошо удаётся соединять Восток и Запад в музыке, ведь она своим происхождением несёт в себе два начала*»³.

Блуждающий медиасюжет «Восток-Запад» традиционно позволяет осознать своеобразие нашей жизни, в первую очередь, через антитезу Западу и, в том числе, через противопоставление Востоку. Про-

² Аргументы и факты. 2017. 15 февр.

³ Гений из чёрного списка // Аргументы и факты. 2016. 25 окт.

буждаются известные идеи русской литературы (Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Пастернак и др.) о том, что «пропагандируемое западное пространство освоено, но останется всегда чуждым русскому человеку» [22, с. 85; 23]. Проблема «Восток-Запад» — лейтмотив произведений М. Ю. Лермонтова, раскрывающий волнующую русское мыслящее общество 1830-х гг. тайну исторической судьбы России. Михаил Юрьевич обречённо писал, как о «дряхлом Западе» («Умиравший гладиатор»⁴), так и о «дряхлом Востоке» («Спор»). В романе «Герой нашего времени» события разворачиваются в символическом круге «Восток-Запад». Запад олицетворён полуевропейцем Печориным и модным Грушницким, предпочитающим говорить чужими словами. В тургеневском романе «Дворянское гнездо» смысл национальной русской судьбы раскрывается оппозицией Запад-Россия. Европейское образование и воспитание не повлияли на русскую душу Фёдора Лаврецкого. Но западник Паншин, получивший европейское образование, утверждает, что Россия сильно отстала от Европы, русские могут только заимствовать, так как ничего не в состоянии изобрести. В известном романе И. Гончарова европейский герой Штольц противопоставлен национальному типу Обломова, который живёт в мифологически-событийном времени, когда и «конца нет и смерти нет» [22, с. 97].

⁴ Ср.: «Не так ли ты, о европейский мир, Когда-то пламенных мечтателей кумир, К могиле клонишься бесславной головою, Измученный в борьбе сомнений и страстей, Без веры, без надежд — игральное детей, Осмеянный ликующей толпою».

«Типические переживания Востока и Запада в медиатексте»

Традиционные представления о Востоке и Западе имманентно репрезентируются языковой личностью автора медиатекста, облегчают понимание контента российским потребителем, образуют плодотворный когнитивный фундамент для продвижения необходимых политических идей. Жизнеутверждающее освоение собственной самобытности с одновременным жёстким противопоставлением чужому и западному — популярная идея многочисленных медиаматериалов разных каналов коммуникации: *«Мне нравилось быть пышкой. Наталья Крачковская о славе, кино, любви: Это на Западе актёры хорошо устроены, им живется легко — с их налаженным бытом. А я обычная»*⁵; *«Запад выбрал Россию в роли врага всерьез и надолго»*⁶.

Нарративы встраиваются в медиаконтент с помощью центрального фрейма или комбинации фреймов. Фреймы обусловлены фактологией реального мира, тем не менее, они демонстрируют определённый вектор конструирования проблемы. Центральный фрейм контекста о Западе фигурирует в статусе категоричного утверждения: *«Главная проблема Запада — внутренняя слабость самого Запада»*⁷.

В доминирующем информационном пространстве распространена сема «непреодолимой конфронтации между набирающей силы Россией и умирающим Западом». Прочно

⁵ Аргументы и факты. 2016. 3 марта.

⁶ Комсомольская правда. 2015. 1 июля.

⁷ Аргументы и факты. 2017. 24 февр.

закрепляется метафора «похоронные рыдания США и их союзников». Противостояние эмоционально персонифицировано: «Утри, Запад, свои слёзы по Алеппо»⁸; «Запад болен медвежьей болезнью»⁹; «Запад смертельно устал»¹⁰ и т. д. Традиционно соборность и душевность российского мировосприятия противопоставлена рационалистическому и индивидуалистическому европейскому пониманию жизни [24].

Современный медиатекст отличается высокая номинативная плотность лексики с отрицательными коннотациями в отношении к Западу: чёрный список Запада; страны Запада негласно поддерживают терроризм; Запад разжигает военную истерию против России; Западные страны постоянно пытаются втянуть Россию в конфронтацию; жёсткое давление западных партнёров; Запад нарушает свободы СМИ; ловкие дельцы Запада, европейские задворки, аморальный/циничный/агрессивный/тлетворный Запад¹¹ и т. д.

Еще один фрейм «холодная война» подчёркивает агрессивность информационных батальи: «И вновь холодная? Совсем недавно, выступая в Мюнхене, от “скатывания в новую холодную войну” между Россией и Западом предостерег премьер Д. Медведев. А может, мы действительно в эту войну уже скатились?»¹²; «Запад в тревоге и

ревности»¹³; «Запад рискует получить шахматной доской по ушам»¹⁴ и др.

Нарратив, повествующий о Востоке, заполнен преимущественно положительными и нейтральными коннотациями, несмотря на непрекращающиеся конфликтные ситуации на Ближнем Востоке: Сирия, Турция, Ирак, Палестина и др. Данный нарратив сугубо фактологичен — войны, терроризм, работа силовых структур. Контрсюжеты, компрометирующие непреодолимую тягу российского сознания к таинственному Востоку, как правило, непродуктивны. Так, укрепившееся на недолгое время словосочетание «турецкая агрессия» и «удар в спину», в связи со сбитым российским самолётом Су-24 в Сирии, не смогли нейтрализовать положительные информационные потоки о всегда манящем «береге турецком».

Тем не менее, устойчивая положительная ассоциативно-семантическая парадигма больше характерна для медиатекста о Дальнем Востоке — Китай, Япония, Гонконг, Таиланд, Филиппины и др. Многочисленные эксперты в СМИ единодушно предрекают переориентацию Кремля на Восток: «Там — давний партнёр Индия, там — рвущийся в сверхдержавы Китай, там — озабоченная усилением Поднебесной Япония»¹⁵. Актуальная в СМИ метафора «восточный разворот России» отражает серийность положительных эмотивных доминант в представлениях о Востоке, с которым у

⁸ Комсомольская правда. 2016. 29 нояб.

⁹ Аргументы и факты. 2017. 15 февр.

¹⁰ Взгляд. 2017. 12 марта.

¹¹ Результаты случайной (вероятностной) выборки 2015–2017 гг. // Российская газета ; Известия ; Взгляд.Ru ; Аргументы недели ; Комсомольская правда ; Аргументы и факты ; Взгляд.RU.

¹² Аргументы и факты. 2016. 5 марта.

¹³ Комсомольская правда. 2015. 12 мая.

¹⁴ Аргументы недели. 2015. 11 июня.

¹⁵ Китайский Гамбит // Аргументы недели. 2014. 20 апр.

россиянина ассоциируется не только экзотический отдых.

Общий медиатекст о Японии, несмотря на введенные санкции против России, выстраивается на фреймах: здоровье, целители, косметология, технологии, автомобильная промышленность, искусство, японское аниме.

Похожий сюжет характерен и для нарратива о Китае, структурированного фреймами: здоровье, целители, искусство, еда и диета, экономика и коррупция. Семиотическая плотность отличает фреймы «экономическое чудо Китая», «Великая Китайская стена», «великий сосед». Данный сценарный маркер популярен в современной политической ситуации, Китай позиционируется как стратегический партнёр России. Контрсюжеты о стихийном и массовом освоении китайцами территорий Сибири и Дальнего Востока, о территориальных спорах с Россией лишь укрепляют сему «непредсказуемости таинственного и негаданного/непредвиденного, по-своему мудрого Востока»: «Китайцы придумали, как топить американские авианосцы»¹⁶, «Китай идёт к тому, чтобы порвать с долларом»¹⁷, «Атака китайских клонов»¹⁸, «Скандал вокруг Сноудена объявили интригой Китая»¹⁹, «Разработана новая вакцина от вируса Зика», «Китай готовится спустить на воду второй авианосец»²⁰, «Поднебесная взяла высоту»²¹ и др.

¹⁶ Известия. 2009. 2 апр.

¹⁷ Там же. 2009. 16 июля.

¹⁸ Аргументы и факты. 2017. 27 марта.

¹⁹ Известия. 2013. 12 авг.

²⁰ Аргументы и факты. 2017. 24 марта.

²¹ Российская газета. 2015. 1 дек.

Однотипная сюжетная линия указанных сценарных маркеров многочисленно повторяется в разных форматах медиатекста — репортажи, очерковые материалы, ток-шоу, документальные фильмы, срабатывает «эффект снежного кома» [5, с. 22]. Увеличивается градус суггестивной обработки сознания публики, в результате сопутствующая культуре фактура принимается на веру. Тем самым возможны искусственное усиление сенсорного фона медиатекста, эксплуатация на чувствах горя, отчаяния, страха и др., что обеспечивает эффективность прогнозируемого манипулятивного воздействия в политических целях.

Заключение. Коварство нарратива заключается в том, что его канву аудитория способна дописать, ориентируясь на усвоенную культуру, при этом расставляя нужные акценты в предлагаемой новости. Сам нарратив, базирующийся на фреймах, не создаёт действия, он демонстрирует возможность действия, разрешает и усиливает его.

Особость русского пути есть современное разноплановое притяжение Востока и Запада. «Рефлексия Евразии» даёт осознание своей многогранности, рождает способность к «открытости и вопрошанию» [25] по отношению к другому миру. Поливекторность национального бытия гармонизирует кризисные ситуации, как отмечает Ю. Лотман, срединное царство «представляет положительную альтернативу разорванности мира экстремальных ценностей» [26, с. 16].

Содержательная эффективность нарратива обусловлена синтезом его драматической составляющей, фоновыми знаниями потребителя,

встроенными в метафорический ряд, и актуальностью события. Формальная эффективность поддерживается за счёт повтора господствующей темы СМИ, обилия сюжетов и контрсюжетов, способных усилить или ослабить определенный вектор воздействия.

Общий для нашего социума «духовный инвентарь» [27, с. 13] нарратива «Восток-Запад», позиционирующий прагматизм Запада и чувственную глубину Востока, инициирует национальную рефлекссию, очерчивает осознание собственной идентичности.

Нарратив, блуждающий в медиапространстве, позволяет актуализировать морально-этические и социальные проблемы, привлечь

внимание аудитории к насущным вопросам, выстроить с ней эффективный диалог. Подобные сюжеты пробуждают национальную память и фокусируют внимание на ключевых культурах текста, способных передавать информацию от автора к потребителю. Нарративы могут разрешать и оправдывать или, наоборот, усиливать негатив и опровергать. Иерархически организованные культурные модели мотивируют не только убеждения и поступки, но и в целом коммуникативное поведение, как автора медиатекста, так и героев материала. В свою очередь целевая аудитория СМИ, будучи носителем идентичной языковой картины мира, охотно принимает предлагаемые модели коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды / А. А. Залевская. — М. : Гнозис, 2005. — 543 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.
3. Condit C. M. Readings in Contemporary Rhetorical Theory / C. M. Condit, J. L. Lucaites. — New York : Guilford Press, 1998. — 627 p.
4. Lucaites J. L. Human Communication as Narration: Toward a Philosophy of Reason, Value, and Action / J. L. Lucaites. — Columbia : University of South Carolina Press, 2009. — 108 p.
5. Черненко Ю. А. Сторителлинг в политическом пиар и журналистике: механизмы и эффекты блуждающей сюжетики / Ю. А. Черненко // Медиаальманах. — 2016. — № 4. — С. 21–30.
6. Megill A. Historical knowledge, historical error. A contemporary guide to practice / A. Megill. — Chicago : University of Chicago Press, 2007. — 288 p.
7. Boje D. M. Storytelling Organization / D. M. Boje. — London : Gardners Books. — 2007. — 288 p.
8. Брокмейер Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. — 2000. — № 3. — С. 29–42.
9. Шомова С. А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации / С. А. Шомова. — М. : Высшая школа экономики, 2016. — 264 с.
10. Bennett W. L. Toward a New Political Narrative / W. L. Bennett, M. Edelman // Journal of Communication. — 1985. — No. 35. — Pp. 156–171.
11. Katz L. Dangerous narrative: politics, lies and ghost stories / L. Katz // Cosmopolitan Civil Societies. — 2011. — Vol. 3, no. 1. — Pp. 20–41.
12. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет. — СПб. : Алетея, 1996. — 154 с.
13. Юнг К. Г. Структура психики и архетипы / К. Г. Юнг. — М. : Академический проект, 2007. — 303 с.

14. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. — СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. — 383 с.
15. Петров М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. — Изд-е 2-е, стер. / М. К. Петров. — М. : Editorial URSS, 2004. — 328 с.
16. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. — М. : Международные отношения, 1977. — 264 с.
17. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — М. : Русские словари, 1996. — 416 с.
18. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. — М. : Изд-во РГГУ Российский государственный гуманитарный университет, 1994. — 136 с.
19. Жданова Г. В. Антиномия «Восток-Запад» в русской философии культуры / Г. В. Жданова // Вестник РУДН. Серия: Философия. — 2008. — № 2. — С. 43–53.
20. Глузман С. А. Ментальное пространство России / С. А. Глузман. — СПб. : Алетейя, 2010. — 332 с.
21. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Изд. 3-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов. — М. : Академический проект, 2004. — 992 с.
22. Камедина Л. В. Обретая смысл заново (Опыт прочтения русской литературы в начале третьего тысячелетия) / Л. В. Камедина. — Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2003. — 166 с.
23. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ / А. М. Панченко. — Л. : Наука, 1984. — 203 с.
24. Гачев Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. — М. : ACADEMIA, 1998. — 430 с.
25. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. — СПб. : Азбука, 2000. — 336 с.
26. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. — Л. : Просвещение, 1972. — 234 с.
27. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. — М. : Лабиринт, 1997. — 448 с.

REFERENCES

1. Zalevskaya A. A. *Psicholingvistiicheskie issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy* [Psycholinguistic Studies. Word. Text. Selected Works]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 543 p.
2. Karasik V. I. *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
3. Condit C. M., Lucaites J. L. *Readings in Contemporary Rhetorical Theory*. New York, Guilford Press, 1998. 627 p.
4. Lucaites J. L. *Human Communication as Narration: Toward a Philosophy of Reason, Value, and Action*. Columbia, University of South Carolina Press, 2009. 108 p.
5. Chernenko Yu. A. Storytelling in Political PR and Journalism: Mechanisms and Effects of Wandering Plots. *MediaAl'manakh = MediaAlmanah*, 2016, no. 4, pp. 21–30. (In Russian).
6. Megill A. *Historical knowledge, historical error. A contemporary guide to practice*. Chicago, University of Chicago Press, 2007. 288 p.
7. Boje D. M. *Storytelling Organization*. London, Gardners Books, 2007. 288 p.
8. Brokmeier I., Kharre R. The Narrative: Problems and Promises of an Alternative Paradigm. *Voprosy filosofii = Philosophical Issues*, 2000, no. 3, pp. 29–42. (In Russian).
9. Shomova S. A. *Ot misterii do strit-arta. Ocherki ob arkhitektipakh kul'tury v politicheskoi kommunikatsii* [From a Mystery to a Street Art. Essays on Culture Archetypes in Political Communication]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2016. 264 p.
10. Bennett W. L., Edelman M. Toward a New Political Narrative. *Journal of Communication*. 1985, no. 35, pp. 156–171.
11. Katz L. Dangerous narrative: politics, lies and ghost stories. *Cosmopolitan Civil Societies*, 2011, vol. 3, no. 1, pp. 20–41.
12. Shpet G. G. *Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to Ethnic Psychology]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 1996. 154p.

13. Yung K. G. *Struktura psikhiki i arkhetypy* [The Structure of Psychics and Archetypes]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2007. 303 p.
14. Smetanina S. I. *Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistskoi kontsa XX veka)* [A Media Text in the Framework of Culture (Dynamic Processes in the Language and Style in the End of the 20th Century Journalism)]. Saint Petersburg, Mikhailova V. A. Publ., 2002. 383 p.
15. Petrov M. K. *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, Sign, Culture]. 2nd ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 328 p.
16. Gak V. G. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative Lexicology]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1977. 264 p.
17. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 416 p.
18. Meletinskii E. M. *O literaturnykh arkhetypakh* [On Literary Archetypes]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 1994. 136 p.
19. Zhdanova G. V. The Categories «East» and «West» in Russian Philosophy of XIX–XX Centuries. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya = RUDN Journal of Philosophy*, 2008, no. 2, pp. 43–53. (In Russian).
20. Gluzman S. A. *Mental'noe prostranstvo Rossii* [Russia's Mental Space]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2010. 332 p.
21. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 992 p.
22. Kamedina L. V. *Obretaya smysl zanovo (Opyt prochteniya russkoi literatury v nachale tret'ego tysyacheletiya)* [Finding the Meaning Again (the Experience of Reading Russian Literature at the Beginning of the 3rd Millennium)]. Chita, Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet Publ., 2003. 166 p.
23. Panchenko A. M. *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Threshold of Peter the Great's Reforms]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 203 p.
24. Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira* [National Images of the World]. Moscow, Akademiya Publ., 1998. 430 p.
25. Bakhtin M. M. *Avtor i geroi. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero: To Philosophical Bases of Humanities]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 336 p.
26. Lotman Yu. M. *Analiz poeticheskogo teksta* [Analysis of a Poetic Text]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1972. 234 p.
27. Freidenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of Plots and Genres]. Moscow, Labirint Publ., 1997. 448p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ерофеева И. В. Нарратив «Восток-Запад» как способ национальной идентификации в российских СМИ / И. В. Ерофеева // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7, № 1. — С. 76–86. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).76-86.

FOR CITATION

Erofeeva I. V. The «East-West» Narrative as a Way of National Identification in the Russian Mass Media. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistskoi = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2018, vol. 7, no. 1, pp. 76–86. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).76-86. (In Russian).